

Демократия, федерализм и государственное строительство

Парламентская модель в российских регионах: резоны и возможности

парламент; модель; регион; федеральная власть; конституционный строй

М. А. Краснов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ординарный профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор

В статье доказывается, что без изменения конфигурации институтов федеральной власти невозможно обеспечить основы конституционного строя России. Конструкция власти, закреплeнная Конституцией Российской Федерации, если внимательно проследить причинно-следственную цепочку, является препятствием для реализации принципов разделения властей, идеологического и политического разнообразия и, соответственно, более фундаментальных характеристик России как демократического, правового, федеративного, социального и светского государства.

О возвращении демократии «снизу»

Автор настоящей статьи уже довольно долго и во многих работах доказывает, что без изменения конфигурации институтов федеральной власти невозможно обеспечить основы конституционного строя России. Конструкция власти, закреплeнная Конституцией Российской Федерации, если внимательно проследить причинно-следственную цепочку, является препятствием для реализации принципов разделения властей, идеологического и политического разнообразия и, соответственно, более фундаментальных ха-

ра характеристик России как демократического, правового, федеративного, социального и светского государства. Я не хочу сказать, что вместо этих принципов восторжествовала какая-то совершенно противоположная модель государственности. Но, на мой взгляд, как раз межеумочное состояние является более опасным для развития страны, поскольку в глазах незрелого, с политической точки зрения, общественного сознания предстает лишь как особенность российского пути. На самом деле все публично-властные институты постепенно перешли на режим имитации. И это создает прекрасную почву для политических спекуляций.

Произошла такая подмена *благодаря персоналистской модели власти*, которую содержит наша Конституция. Не буду здесь повторять сказанное уже не раз и описывать механику того, как именно персонализм нейтрализует основы конституционного строя¹. Моя задача сейчас – показать, что в качестве паллиативы можно воспользоваться менее радикальным, нежели внесение поправок в Конституцию, путем.

Я бы назвал этот путь *путем возвращения демократических механизмов, демократических стереотипов, демократических навыков снизу*. Вообще, мысль о необходимости такого возвращения высказал еще в 1990 году А. И. Солженицын в своей знаменитой работе «Как нам обустроить Россию». Это, как теперь понятно, было совершенно правильно, если вспомнить пророческое предупреждение И. А. Ильина (1938 г.): «Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией; мы получим в наследство *пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную* (во всех цитатах курсив мой. – М. К.)»². Однако в те годы большинству (мне в том числе) эти мысли и советы казались скрытым желанием затормозить приход демократии, с которой связывались надежды на радикальное преобразование страны.

Да, все мы – и лидеры, и те, кто сочувствовал идее демократии – заблуждались. Впрочем, дело не только в этом. При сложившейся

¹ Это описано, в частности в работах: *Краснов М. А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006; *Краснов М. А., Шаблинский И. Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008.

² *Ильин И. А.* Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996. С. 45.

ся к тому времени (начало 90-х годов) политической ситуации не думаю, что была возможность планомерного и постепенного выращивания демократических институтов «снизу», поскольку политическая, социальная и даже экономическая ситуация практически вышла из-под контроля власти. Сегодня ситуация принципиально иная. Федеральная власть обладает огромной силой. Да, конечно, эта сила зиждется не на праве, а на лидерстве (точнее, на идее «сюзеренитета – вассалитета»). В России в очередной раз восторжествовал потестарный, а не правовой тип властвования, что вроде бы должно добавить веса аргументам тех, кто считает, будто социокультурный фактор обрекает (едва ли не фатально) страну на воспроизводство государственной архаики¹. На самом деле, в таких выводах перепутаны причинно-следственные связи, хотя и не стану спорить с тем, что доминирующие в нашем обществе персоналистские представления о власти, действительно, оказывают еще довольно сильное влияние. Но такие представления *не определяют* персоналистский режим, а только позволяют *мириться* с ним. Современное российское общество отнюдь не отвергает идею демократии, одним из элементов которой является политическая конкуренция, приводящая к ротации элит. Однако оно было вынуждено адаптироваться к персоналистской модели власти, целиком вытекающей из конструкционных особенностей нашей Конституции (в данном случае неважно, «ненавидит» или «боготворит» лидера большинство).

Так вот, повторю: сегодня федеральная власть² вполне уверенно контролирует все публично-властные институты и большую часть институтов общественных, в том числе медийных (в данном случае я не рассматриваю, насколько эффективно и во имя чего осуществляется такой контроль). Но это означает не возврат к по-

¹ Яковенко И. Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. 2007. № 3; Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2; Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 57, 61–62; Корнеева Е. А. Царство Путина. Неосталинизм по просьбе народа. СПб: Питер, 2011.

² Здесь под нею понимается Президент Российской Федерации и его формальное и неформальное окружение. «Федеральная власть», конечно, не очень верный термин, с конституционно-правовой точки зрения, но я буду его здесь использовать для краткости.

следнему периоду советского строя, в ткань которого уже «имплантировались» некоторые демократические институты и процедуры, а, процесс с противоположным вектором, когда в формально демократическую систему «имплантируются» советские представления, мифы и даже некоторые советские механизмы.

В таком случае уместен резонный вопрос: при такой тенденции развития каковы могут быть движущие мотивы правящего класса, чтобы ожидать от него инициативы по выращиванию демократических институтов «снизу»? Мне представляется, что, во-первых, сам этот класс вполне видит накопление кризисных явлений или, по крайней мере, ощущает сгущение политической атмосферы в стране. И это заставляет или заставит в ближайшем будущем думать над тем, как, с одной стороны, не потерять власть, с другой, – нейтрализовать эти явления или разрядить атмосферу. А, во-вторых, речь не обязательно должна идти об инициативе самой власти. Последняя может (или при определенных условиях даже захочет) оставаться в этом процессе пассивной стороной – соглашаясь или, если хотите, разрешая активной части общества выдвигать соответствующие идеи.

Однако идей, которые «не напугают» федеральную власть, пока не очень видно. Одни сводятся к лозунгу «Путина в отставку», другие – к радикальному изменению Конституции (автор – один из тех, кто давно твердит об этом). Но существует и идея, с одной стороны, менее радикальная и, соответственно, менее угрожающая существующему правящему классу, с другой, – значительно более полезная, с точки зрения установления в России прочной социальной базы для демократического развития. Идея, о которой пойдет речь¹, как раз и направлена на возвращение в российском обществе демократических навыков, превращение их в стереотипы, формирование массовой демократической культуры.

Речь пойдет, однако, не об уровне местного самоуправления, на внимании к которому настаивал А. И. Солженицын. Во-первых, это потребует радикального пересмотра нынешних принципов бюджетной и налоговой систем, множества иных законодательных

¹ Отмечу, что в самой общей форме она была уже высказана в научной и публицистической форме (Проект Конституции России / Отв. ред. М. А. Краснов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012; *Краснов М.* Без оглядки на царя // Новая газета. 2013. 23 янв. № 7.)

актов. А к этому вряд ли готовы и федеральные, и региональные власти. А, во-вторых, этому, скорее всего, будет противиться губернаторский корпус вместе с подконтрольными главам регионов законодательными собраниями. Это, разумеется, не значит, что следует отказаться от подталкивания к проведению подлинной реформы местного самоуправления. Но в нынешних условиях, на мой взгляд, может оказаться гораздо менее затратным, более реалистичным, быстрым и эффективным иной шаг – установление **парламентской системы в субъектах Федерации.**

Почему не федеральный уровень

Но почему бы не начать сразу с *федерального уровня*? Дело не только в том, что, как уже было отмечено, для демократии гораздо лучше, если она начинает произрастать «снизу вверх». Дело еще и в том, что вряд ли в ближайшее время можно ожидать мощный общественный запрос, который заставит пересмотреть конституционную конструкцию власти. Общество наше в массе своей пока не видит причинно-следственную связь между тем, как устроена власть, и качеством собственной жизни. Большинство по-прежнему уповает на личность правителя.

Помимо этого, в обозримом будущем переход к парламентской модели на федеральном уровне может представлять даже опасность. По крайней мере, по двум основаниям.

Во-первых, и существующие, и новые партии не готовы к созданию коалиций, ибо не приучены к реальной политической борьбе (повторю, они ни разу не допускались к формированию исполнительной власти), а поэтому – и к бремени политической ответственности. В головах нынешних политиков идеальная модель – это «игра с нулевой суммой», когда победитель получает все. Но ведь то же самое есть и на уровне регионов. Верно, такой фактор действует и здесь. Однако, с одной стороны, его действие локально и потому всё же не так опасно. В конце концов, тут законодательно вполне можно предусмотреть соответствующую «федеральную страховку» – меры того же Президента, который обязан обеспечить непрерывность и преемственность власти как в масштабах страны, так и на уровне региона. С другой стороны, думаю, региональным партийным лидерам договориться все же легче. Над ними не настолько тяготеют идеологические ограничения, как над лидерами федерального уровня. Во всяком случае, при иных условиях политической борьбы лидеры быстро поймут свой выигрыш

от умения договариваться. Ведь завоевать абсолютное большинство в парламенте при равной политической конкуренции будет почти невозможно, так что коалиции неизбежны.

Во-вторых, при сохранении царцентристских стереотипов в головах как большинства граждан, так и элит, введение парламентской модели на федеральном уровне может поначалу породить едва ли не анархию (особенно при частой смене кабинетов). Наше сознание по инерции еще долго будет исходить из того, что в стране должен быть «некто», который наблюдает за происходящим и в случае чего «ударит кулаком по столу». Другое дело, что этот «некто» в любом случае не должен, как сейчас, определять и проводить свой собственный курс, он должен только охранять те самые «правила игры». Так вот, без такого единоличного института, гарантирующего правовой порядок, очень вероятен шантаж со стороны губернаторского корпуса под угрозой выхода из Федерации.

Какая модель в регионах сегодня

На смену какой существующей сегодня модели должна прийти парламентская? Как ни странно, определить действующую модель власти не представляется возможным. Сложность появляется уже со строк Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ (далее – Закон или Закон № 184²), касающихся *правового статуса главы субъекта Российской Федерации*. Причем в данном случае я не затрагиваю период, когда (с 15 декабря 2004 г. до 1 июня 2012 г.) эти главы фактически назначались Президентом Российской Федерации. Скажу лишь, что с точки зрения тогдашняя модель чуть-чуть напоминала парламентскую, поскольку полномочиями главы региона лицо наделялось местным парламентом, пусть и совершенно формально. Но именно «чуть-чуть». В действительности речь о парламентской модели вести было невозможно, ибо фактически кандидатура главы навязывалась региональным законодательным органам Президентом Российской Федерации (причем под угрозой их роспуска, хотя к этому

¹ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

² Нормативные акты и судебные решения в статье найдены и проанализированы с помощью Справочной правовой системы (СПС) «КонсультантПлюс».

времени контроль федеральной власти над регионами был уже настолько всеобъемлющ, что какой-то «фронды» можно было не опасаться). Кроме того, существовавшая (впрочем, оставшаяся до сего дня) конструкция делала высшее должностное лицо (руководителя высшего исполнительного органа власти) региона ответственным, главным образом, не перед парламентом, а перед Президентом Российской Федерации.

Как же *сегодня* Закон № 184 обрисовывает статус главы региона? Начну с того, что формально предоставляется два варианта главы региона: высшее должностное лицо (ВДЛ) и руководитель высшего исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации¹ (РВИО). При этом, если высший исполнительный орган обязателен, что вполне естественно, то должность ВДЛ Закон предусматривает только по выбору субъектов Российской Федерации. В действительности, подавляющее большинство регионов в качестве своих глав имеют как раз ВДЛ. Последний является фактически региональным президентом (хотя с 2010 г. это наименование законодательно запрещено). При этом функции и полномочия ВДЛ и РВИО совершенно тождественны: в Законе № 184 применяется формула: «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации)».

Эти особенности, которые, скорее, можно назвать странностями, подмечены в юридической литературе. В частности, Р. Р. Кильметова пишет, что, хотя Закон № 184 «определенно разводит категории высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и высшего исполнительного органа государственной власти субъекта», на практике в государственной организации отдельных субъектов Федерации *эти статусы неправомерно соединяются*². Почему «неправомерно»? Ведь в президентской модели глава государства (в нашем случае «высшее должностное лицо») является как раз главой исполнительной власти. Но в том-то и дело, как верно замечает Кильметова, по Закону № 184, ВДЛ «наделяется полномочиями представительского и координационно-

¹ Для меня до сих пор непонятно, почему федеральное законодательство применяет именно такой термин, а не «орган исполнительной власти».

² Кильметова Р. Р. Высшее должностное лицо в системе государственной власти субъекта Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

арбитражного порядка, *не свойственными исполнительной власти*». Напротив, «высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации обладает традиционными правительственными полномочиями, что позволяет констатировать наличие правительственной власти в субъекте Российской Федерации». Таким образом, обе названные должности, представляя собой разные правовые статусы, непостижимым образом соединяются: «Так, в ряде субъектов Российской Федерации высшее должностное лицо субъекта одновременно возглавляет высший исполнительный орган государственной власти субъекта (Удмуртская Республика, Республика Алтай, Мордовия, Тыва, Хакасия, Карелия, Марий Эл и др.), выступая таким образом в двух организационно-правовых качествах»¹. При этом *«происходит слияние высшего должностного лица и высшего исполнительного органа государственной власти, которые в соответствии с Федеральным законом № 184-ФЗ должны существовать самостоятельно»*².

Есть и примеры обратного свойства. Р. Р. Кильметова приводит в качестве примера систему власти Краснодарского края, где «высшим исполнительным органом государственной власти края называется администрация Краснодарского края, состоящая из главы администрации (губернатора) края, его первых заместителей, заместителей и структурных подразделений администрации края. *Губернатор края официально не называется высшим должностным лицом*. Однако Уставом края он наделяется полномочиями, которые согласно Федеральному закону персонально закрепляются за высшим должностным лицом – обнародование законов края, подписание договоров и соглашений от имени края и др. (ст. 42 Устава). *Губернатор края наделяется полномочиями в порядке, предусмотренном для высшего должностного лица субъекта Российской Федерации*, то есть по представлению Президента Российской Федерации Законодательным Собранием Краснодарского края»³. Подобно высшему должностному лицу губернатор отрешается от должности Президентом Российской Федерации,

¹ Там же.

² Там же.

³ Понятно, что в связи с восстановлением выборности губернаторов (хотя и в усеченном виде) это положение устарело.

между тем эта мера федерального принуждения применяется лишь в отношении высшего должностного лица субъекта Федерации»¹.

Таким образом, федеральный законодатель донельзя запутал систему органов государственной власти субъектов Федерации. В этой системе мы можем видеть не только элементы, свойственные и президентской, полупрезидентской (смешанной), и парламентской формам правления, но и конструкции, выходящие за рамки любой из этих классических моделей, в частности, институт недоверия высшему должностному лицу, которое может и не являться руководителем исполнительного органа власти. Наконец, еще больше запутывает систему активная роль федерального Президента по досрочному прекращению полномочий как законодательного органа, так и ВДЛ и РИОВ.

Итак, хотя регионам формально предоставлено право выбирать между двумя моделями, во всех субъектах сформировалась фактически *единственная модель*, разве что с некоторыми вариациями. Надо заметить, такая унификация, которая совершенно не учитывает огромного разнообразия российских регионов, во многом обязана правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации. Разумеется, философия унификации, которую исповедовал и федеральный законодатель, не так уж сильно расходилась с подходами Суда. Просто его позиция стала правовым обоснованием соответствующей законодательной модели. Что же это за позиция?

Конституционный Суд в п. 6 мотивировочной части своего знаменитого Постановления от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края» записал вполне определенно: «Конституционный принцип единства государственной власти требует, чтобы субъекты Российской Федерации *в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти*. Поскольку согласно Конституции Российской Федерации законодательная и исполнительная ветви власти являются самостоятельными, *недопустимо, выходя за пределы, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, закреплять в*

¹ Кильметова Р. Р. Высшее должностное лицо в системе государственной власти субъекта Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

Уставе нормы, ставящие исполнительную власть в подчиненное по отношению к представительному органу положение»¹.

Не буду здесь разбирать эту очень странную, с моей точки зрения, позицию. Могу лишь солидаризироваться с проф. Н. В. Витруком, который в своем особом мнении совершенно верно сказал: «Соблюдение основ конституционного строя и общих принципов, установленных федеральным законом, не означает копирования федеральной схемы взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, установление единообразия для всех субъектов Российской Федерации»².

Модель, установленная федеральным законодателем, может быть оценена негативно не только с правовой, но и с социально-политической точки зрения. Ее порок, на мой взгляд, состоит в том, что *федеральная власть навязала регионам свойственную ей самой модель, порождающую персоналистский режим*. Тем самым даже зарождение, не говоря уже об укоренении, демократического сознания общества, навыков пользования демократическими инструментами становится почти невозможным. Даже при условии, что избирательный процесс станет прозрачным и равноправным (что, впрочем, сомнительно как раз из-за условий персоналистского режима как на федеральном, так и на региональном уровнях).

Что даст переход к парламентской системе и как его осуществить

Напомню, что парламентская модель предполагает формирование правительства (высшего органа исполнительной власти) законодательным органом и полную подконтрольность ему. Что это даст нашей политической системе?

Первое. В субъектах Российской Федерации перестанет воспроизводиться «царцентристский» принцип. Сегодня губернаторы, при всей своей зависимости от «старшего царя», ощущают себя хозяевами подведомственной территории (а по сути, – подведомственного населения). И, соответственно, большинство граждан продолжают мыслить в плоскости – «удачный/неудачный хозяин» им достался.

¹ СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края // СПС «КонсультантПлюс».

Второе. Парламентская модель разорвет пресловутую «вертикаль власти», которая противоречит смыслу и правового, и федеративного государства. Это вовсе не означает, что будет или должен быть ликвидирован федеральный контроль за законностью. Наоборот, федеральные структуры на местах (в регионах) скорее смогут освободиться от влияния «региональных баронов».

Третье. Впервые в новейшей российской истории начнут работать законы политической конкуренции. Партии будут вынуждены бороться не просто за число депутатских мест, что, по большому счету, никак не отражается на жизни людей, а за право проводить *свой курс*, сообразуясь, естественно, с компетенцией субъектов Федерации. И поскольку именно победившая партия (скорее всего, коалиция партий) будет формировать исполнительную власть, постольку граждане получат конкретные основания для того, чтобы на новых парламентских выборах либо подтвердить свою поддержку проводимому курсу, либо передать мандат на управление другой политической силе.

Четвертое. В отсутствие единоличного регионального правителя гораздо затруднительнее (если вообще возможно) станет нарушать принцип равенства партий в их соревновании за избирателя, манипулировать избирательным процессом и фальсифицировать результаты выборов. Поскольку центр власти переместится в региональный парламент, постольку оппозиционные (не вошедшие в правительство) фракции смогут реально контролировать исполнительную власть, в том числе под страхом вынесения вотума недоверия правительству. Впрочем, и сама правящая партия (коалиция) при таком положении станет гораздо щепетильнее относиться к собственной репутации. Я уж не говорю о том, что заработают механизмы парламентского (а по существу, гражданского) контроля в виде депутатских запросов, парламентских комиссий по расследованию, опирающихся на информацию СМИ и общественных организаций.

Пятое. Ожившая парламентская жизнь, с одной стороны, заставит сами партии иначе организовывать себя, более внимательно присматриваться к тем, кто ее представляет. А, с другой, – разбудит их заинтересованность в реальном местном самоуправлении. И тогда уже не федеральный центр, а именно регионы станут основными защитниками муниципальных интересов.

Шестое. Для современной России, по крайней мере, для некоторых ее частей переход к парламентской модели окажется благо-

творным в том смысле, что партийная (политическая) жизнь неизбежно начнет вытеснять клановую систему. Собственно говоря, такая патриархальная система обязана своим появлением во многом как раз отсутствию политической конкуренции. Нынешняя предвыборная борьба, строго говоря, не может считаться политической конкуренцией, поскольку наша политическая система устроена таким образом, что в этой борьбе отсутствуют главные элементы цивилизованной конкуренции: возможность проводить четко очерченный в программных заявлениях курс и нести полноценную ответственность за качество его проведения или даже за отказ от проведения (в том числе, как сегодня часто случается, из-за перехода в стан политического противника). Так вот, клановая система есть естественное заполнение политической пустоты.

Убежден: пройдет два-три избирательных цикла, и мы не узнаем нынешнюю партийную систему. Конечно, такая трансформация произойдет не во всех регионах. Но в большинстве это обязательно случится. И тогда совершенно иначе придется себя вести и федеральному центру. Скорее всего, демократически организованная региональная власть сама востребует иные конституционные правила устройства федеральной власти.

Какие же правовые возможности существуют для введения парламентской модели в регионах? В ст. 72 Конституции Российской Федерации «установление общих принципов организации системы органов государственной власти» отнесено к совместной компетенции Федерации и ее субъектов. Однако ст. 76 гласит, что по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые *в соответствии с ними законы* и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а ст. 77 – что система органов государственной власти регионов устанавливается ими «самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, *установленными федеральным законом*». Так что даже логически выходит, что никакой самостоятельности быть не может, ибо эти самые общие принципы устанавливает Закон № 184. И он установил: ввел практически полное единообразие систем региональной власти на всей территории страны, урегулировав даже те отношения, которые никак нельзя отнести к общим принципам.

Поэтому первое, что предстоит сделать, – это исключить из Закона № 184 все нормы, явно не соответствующие понятию «общие принципы», хотя довольно трудно определить, что это за принципы (к сожалению, и Конституционный суд слишком широко трактует его). Тем самым федеральный законодатель хотя бы не будет препятствовать установлению парламентской системы в регионах. А добиваться ее установления – уже политическая задача.

Библиографический список:

1. *Краснов М. А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

2. *Краснов М. А., Шаблинский И. Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008.

3. *Ильин И. А.* Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996.

4. *Яковенко И. Г.* Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3.

5. *Пастухов В.* Второе дыхание русского конституционализма // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. № 2.

6. *Четвернин В. А.* Исторический прогресс права и типы цивилизаций // *Ежегодник либертарно-юридической теории*. Вып. 2. М., 2009.

7. *Корнеева Е. А.* Царство Путина. Неосталинизм по просьбе народа. СПб: Питер, 2011.

8. Проект Конституции России / Отв. ред. М. А. Краснов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012.

9. *Краснов М.* Без оглядки на царя // *Новая газета*. 2013. 23 янв. № 7.

10. *Кильметова Р. Р.* Высшее должностное лицо в системе государственной власти субъекта Российской Федерации // *Общество и право*. 2010. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края // СПС «КонсультантПлюс».